

Цзин Ян ничего не ответил. Он просто уперся руками в столешницу по обе стороны от Бай Цю, полностью накрыв его своей тенью — он был заметно выше.

Судя по всему, он только что с какой-то деловой встречи: безупречный черный костюм, серебристо-серый галстук, брошь с темно-синим драгоценным камнем на лацкане — образ элегантный и подчеркнуто интеллектуальный.

Несмотря на легкую усмешку в уголках глаз, Цзин Ян с пугающей решительностью расправился с ребрышком, прожевав его вместе с костью.

«...И как кто-то может есть мясо так свирепо? Это же не поцарапает горло?» — Бай Цю оставалось только гадать.

— Это хрящ, он мягкий, — словно прочитав его мысли, низко произнес Цзин Ян.

— Кхм. — Бай Цю знал, что не умеет скрывать эмоции, а перед чувствительным и подозрительным Цзин Яном он был как на ладони. — Иди переоденься, я сейчас всё закончу.

— Мгм. — Цзин Ян ответил, но не сдвинулся с места, продолжая смотреть на него глубоким, темным взглядом.

Бай Цю вздохнул, поднял руки и обнял высокого Альфу. Он потерся щекой о его шею и мягко проговорил:

— Устал на работе? С возвращением домой.

Цзин Ян крепко обхватил его в ответ, на мгновение закрыл глаза и коснулся подбородком плеча Бай Цю, и только после этого отстранился и вышел из кухни.

Бай Цю стал расставлять тарелки на столе. Вскоре Цзин Ян, уже переодевшийся в домашнюю одежду, сел рядом. Они расположились у огромного панорамного окна, наслаждаясь ужином под аккомпанемент ночных огней города, отражающихся в реке.

Если не случалось ничего непредвиденного, Цзин Ян всегда ночевал здесь.

За эти годы Бай Цю изучил его вдоль и поперек. Его брат, друг детства, оказался человеком, который придает огромное значение ритуалам. Он боялся одиночества, а еще, похоже, страдал от «голода по прикосновениям»: если его потребность в близости не удовлетворялась, он становился тревожным и раздражительным. Правда, виду никогда не подавал, просто тихо оказывался рядом и смотрел на тебя своим глубоким, завораживающим взглядом.

Что ни говори, а это было даже мило.

Бай Цю устроился на мягком длинноворсовом диване. Из-за слабого здоровья он постоянно мерз, поэтому накрыл живот молочно-белым пледом. Свет в гостиной был погашен, горела лишь оранжевая светодиодная лента за спинкой дивана. Мягкий свет сглаживал черты Бай Цю, превращая его в теплое, уютное светящееся облачко.

Цзин Ян в черной шелковой рубашке придвинулся ближе и привычным жестом заключил Бай Цю в объятия.

— Холодный, — Цзин Ян взял его руки в свои ладони, пытаясь согреть их своим теплом.

— Ты же знаешь, я такой в любое время года, — Бай Цю прижался головой к упругим грудным

мышцам Альфы, устраиваясь поудобнее. — Ничего страшного.

Цзин Ян поправил сползающий плед, положил подбородок на макушку Бай Цю и слегка прищурился, полностью расслабляясь.

Бай Цю пролистал нейросеть, выбирая свежий романтический фильм — он хотел немного «разогреть» его «любовный мозг». Парню скоро тридцать, а рядом никого, просто преступление тратить такую внешность и фигуру впустую.

— Ах... чуть не забыл, — Бай Цю дотянулся до сумки и вытащил коробку шоколада с красивым бантом.

Цзин Ян прикрыл глаза, уткнувшись подбородком в шею Бай Цю, и мягко пробормотал:

— Не принимай вечно всякую ерунду от кого попало.

— Почему это ерунда? Это подарок от маленькой Омеги, она так старалась, — Бай Цю не согласился и с воодушевлением добавил: — Малышка Цинжуй влюбилась в тебя с первого взгляда. Может, попробуешь... ММ!

...Попробуешь начать встречаться?

Цзин Ян опустил взгляд и накрыл его губы ладонью — широкой, горячей, закрывшей почти половину лица Бай Цю.

— Прекрати. А то получишь, — прошептал он ему на ухо. Дыхание Альфы обожгло ушную раковину, и Бай Цю мгновенно содрогнулся от внезапного приступа щекотки, инстинктивно потянувшись рукой к мочке уха.

«Ссс...» Почему его уши такие чувствительные?

— Не хочешь — не говори. — Си Бай Цю неохотно оттолкнул руку Цзин Яна, а затем, решив отомстить, прикусил его указательный палец на левой руке, оставив на суставе бледный след от зубов.

Цзин Ян тихо рассмеялся, с пугающим терпением позволяя Бай Цю делать всё, что тому вздумается, пока тот, наконец, не выдохся и не устроился поудобнее у него на груди, уставившись в экран.

— У вас завтра практика по прыжкам с парашютом? — внезапно вполголоса спросил Цзин Ян.

— М-м. — Бай Цю, не отрываясь от фильма, рассеянно кивнул, а потом вдруг насторожился: — Только не говори, что ты уже связался с моим куратором и отменил всё.

Это случалось не раз, Цзин Ян мастерски умел решать проблемы радикально, не ставя его в известность.

— Я просто очень за тебя волнуюсь. — Цзин Ян вздохнул; упавшие на лоб черные пряди немного смягчили его поразительно красивое, почти агрессивно-мужественное лицо. — Твое тело не предназначено для таких нагрузок.

— Я уже не такой хрупкий, как раньше, — запротестовал Бай Цю. — В прошлый раз, когда мы ездили на горнолыжный курорт, я ведь отлично справился, никаких проблем.

Цзин Ян на мгновение замолчал, погладил его по волосам и мягко спросил:

— Тебе правда так хочется пойти?

— Очень хочется. Я правда, очень-очень люблю такие занятия, — с максимально серьезным видом подчеркнул Бай Цю.

— Хорошо. — Цзин Ян сдался. Но Бай Цю тут же посмотрел на него с подозрением: с чего это вдруг он стал таким покладистым?

— Что такое? — усмехнулся Цзин Ян.

— У тебя припрятан какой-то план «Б»? Например, через час мне придет уведомление от университета, что завтрашнюю практику заменили на теоретический зачет? — чем больше Бай Цю об этом думал, тем реальнее это казалось.

— Никакого плана «Б». — Цзин Ян легонько отбросил прядь волос со лба Бай Цю, и его разноцветные глаза в полумраке засияли необычайно красиво. — Пока ты в безопасности, делай что хочешь.

Бай Цю удовлетворенно кивнул:

— Обещаю, я буду в порядке.

Надо сказать, что долгие годы Цзин Ян наотрез запрещал ему любые экстремальные виды спорта. Но Бай Цю их обожал. Он и сам не знал, когда у него проснулась эта страсть к опасности. Тот прилив адреналина, то самое ощущение балансирования на грани жизни и смерти, когда душа словно вспыхивает ярким пламенем — это его завораживало.

Когда он только начал пробовать, ему едва исполнилось восемнадцать. На вид — послушный и кроткий, но в душе — подросток, полный крови, желания всё испытать и щепотки бунтарства. Так что он начал играть «втихую», а спустя неделю с треском провалился.

В тот раз Цзин Ян был в ярости. Бай Цю был уверен: если бы его тело не было таким слабым, этот его друг детства, который всегда души в нем не чаял, непременно пустил бы в ход кулаки.

Хотя до побоев не дошло, наказания он не избежал. Его заперли в спальне на месяц, отключили интернет, отобрали нейросеть и заставили каждый день переписывать по три тысячи иероглифов буддийских сутр кистью и тушью.

Это было чертовски мучительно. И пожаловаться было некому: его «папы» в это время улетели в свадебное путешествие в другую галактику и были напрочь недоступны.

С тех пор он научился хитрости. Он начал постепенно прощупывать границы терпения Цзин Яна. От категорического «нет» он перешел к «можно, но только под моим присмотром», потом — к разрешению на второй раз, третий, четвертый...

Он шаг за шагом расширял границы дозволенного. Конечно, отчасти это происходило потому, что его здоровье становилось всё крепче.

И вот теперь — посмотрите, достаточно просто предупредить брата! Какой эпический прогресс!

<http://bllate.org/book/17726/1658758>